

Н.Д. Руссев

«ЯКО ТУ ВСЯ БЛАГАЯ СХОДЯТСЯ»: АНТРОПОЛОГИЯ ДУНАЙСКОЙ ТРАГЕДИИ 968-971 ГГ.

N.D. Russev. "All the Wealth Flow Here": Anthropology of the Danube Tragedy of 968-971.

The article is an attempt to reconstruct events of 968-971 in the mouth of Danube, what was then the land of the First Bulgarian Kingdom. A careful research of records, including rarely referred to ones, sheds light on participants (the Russian knyaz Svyatoslav, the Bulgarian king Boris II, Byzantine Emperor John Tzimiscas, and the Pechenegs) and relations between them; attention is focused on Svyatoslav and what were his actual intentions in his tentative against Bulgaria. An interesting connection is made between these events and consecutive fall of the First Bulgarian Kingdom.

1. «Венок Дуная»

Отрывок из «Повести временных лет» о сказочном богатстве земель близ дельты Дуная, куда «все блага сходятся: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы» (ПВЛ 1996: 169), давно стал хрестоматийным. В том или ином виде он приводится в учебниках, как иллюстрация то ли неразумной алчности, то ли трезвого расчета киевского князя Святослава (945-972). Между тем, этот пассаж зафиксировал особенности исторической судьбы всего Карпато-Дунайско-Днестровского региона. Постоянно действующий фактор контактов непохожих миров обусловил неоднократную смену доминант культурно-исторической ориентации края, чересполосное развитие процессов общественной интеграции и дезинтеграции (см. Gukin, Manzura, Rabinovich, Tkasiuk 1995: 9-18).

Дело не только в том, что в регионе на протяжении веков сосуществовали многие народы, пересекались потоки миграций и сталкивались интересы враждебных политических сил. Более важным представляется способность местной действительности синтезировать из пестрой этнокультурной мозаики новые социальные феномены. Они складывались из ряда компонентов, но демонстрировали тот, который с наибольшим успехом обеспечивал

устойчивое существование местного населения.

Балканские войны 968-971 гг. явились трагическим прологом гибели Первого Болгарского царства. В круговороте бурных событий болгары не смогли отстранить нависшую над их государственностью смертельную опасность. Военные поражения обескуражили наиболее активную часть болгарского общества. Она вынужденно металась между пришедшими в страну с юга и с севера, противостоящими друг другу завоевателями.

Сложные взаимодействия главных в течение нескольких лет сил логично рассматривать в координатах «свои — чужие» (см. Руссев 1996: 175-187; ср. Колесов 1986: 18-71). Речь шла о полных драматизма попытках запустить процесс освоения побежденного народа, который идет бок о бок с военным завоеванием, но затем может затянуться на многие десятилетия и даже столетия. В анализируемом случае следует говорить лишь о способах проведения такого рода политики и основах, на которые они опирались. Такого рода исследование испытывает недостаток сведений «первичных» источников, которые неодинаково освещают содержание деятельности участников рассматриваемых событий. Приходится довольствоваться версиями византийских авторов и летописной «Повести временных лет», переработавшей немало произведений устного творчества.

2. «Нормальные герои всегда идут...»

В исторической драме 968-971 гг. были свои главные герои.

Центральной фигурой событий, безусловно, являлся Святослав Игоревич. Богатырь эпического склада «легко ходил в походах как пардус», бросая противнику знаменитый вызов: «Хочу на вас идти». Однако ни личное мужество князя, ни его военные и дипломатические успехи не принесли генеральной победы. Выпутавшись из почти безвыходного положения, Святослав сложил голову в стычке с печенегами. Вместе с ним «погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов». Парой-антиподом князю в истории с походом на Дунай является его мать, княгиня Ольга, фактически управлявшая в Киеве с 944 по 969 гг. Будучи не в силах удержать сына дома, она сказала ему в сердцах: «Когда похоронишь меня, — отправляйся куда захочешь». Убежденная христианка Ольга «светилась среди язычников, как жемчуг в грязи» (ПВЛ 1996: 169; Лев Диакон 1988: 79).

Два императора-полководца олицетворяли Византию. Никифор Фока (943-969) как пишет византийский автор, если бы смог дольше удержаться на троне, «ромейская держава достигла бы такого величия, какого она в другое время не достигала». Однако его, способствовавшего первому походу Святослава на болгар и сравниваемого с Гераклом, злодейски убили. Во главе переворота находился отстраненный им от армии военачальник Иоанн Цимисхий (969-976). Этот человек небольшого роста происходил из богатого армянского рода и был «жаден к телесным наслаждениям». Нового императора ромеев отличали геройская душа, гигантская сила и решимость вывести Византию из кризиса. Тем не менее, и он вскоре пал жертвой заговора — Иоанн умер «пожираемый ядом» в начале 976 г. (см. Лев Диакон 1988: 46-50, 52-55, 91-94).

Два царя представляли и Болгарию. Женатый на внучке византийского императора Петр (927-970) все свое долгое правление вел борь-

бу с внешними и внутренними врагами за сохранение царства. Ценой немалых уступок ему это удавалось. Его усилиями выросла быстро разлагавшаяся армия болгарских монахов. В противовес стране охватило движение богомилов — народная ересь, отрицавшая видимый мир как создание «злой силы». Потрясенный поражением в битве со Святославом Петр получил апоплектический удар и вскоре, успев принять схиму, умер. Этот царь, «счастливейшее время» которого впоследствии всячески воспевалось, был провозглашен святым. После смерти отца Борис II (970-971), с детства воспитанный окружением матери в византийском духе, вернулся из Константинополя, где находился в заложниках. Его краткое практически номинальное правление закончилось унижительным ритуалом детронации (Андреев 1992: 73-81; КК 1994: 40-42, 305-309).

Наконец, есть в дунайской трагедии и еще одно действующее лицо, мелькнувшее уже после того, как занавес был задернут. «Курия, князь печенежский», со своими людьми подстерег и убил весной 972 г. направлявшегося к днепровским порогам Святослава. Это седьмой герой дунайской истории.

«Антропология мыслит культуру не в единственном, а во множественном числе» (Дресел 1999: 81), а на семь культурных героев приходится в рассматриваемом случае четыре ведущих вектора исторической перспективы. Отношения внутри возникшего тогда военно-политического «квадрата» (болгары, византийцы, россы, печенеги) непрестанно меняли свою направленность, колеблясь от враждебных до союзных и обратно. В этой связи особенно интересны мотивировки действий каждой из сторон в объективных условиях данного момента времени. Без понимания их истинного или декларируемого смысла невозможно разобраться в политике как способе приспособления к себе реальных ситуаций общественной жизни и себя к ним.

3. «Хороша страна Болгария»

Со второй половины IX в. в жизни Болгарии происходили необратимые перемены. Хан Борис (852-889), провозгласил христианство византийского толка официальной религией государства. Крестившись в 864 г. вместе с приближенными, он принял имя своего крестного отца императора Михаила III (842-867), а вслед за тем обратил к Христу и весь народ (см. Гюзелев 1969; Андреев 1992: 48-60).

К этому времени христианство глубоко проникло как в славянскую, так и в болгарскую среду. Смешение тюрков со славянами вело к постепенному выравниванию этнического обли-

ка населения, что подтверждают данные археологии, антропологии и анализ имен аристократии. Новая религия отодвигала на задний план традиционные этнокультурные различия. Вопреки победе славянского языка на государственном уровне, страна именовалась Болгарией, а ее жители — болгарями. Название «болгары» стало означать всех подданных государства. По словам Д. Ангелова под знаком христианства возникла «новая, сложная и неоднозначная по содержанию и направленности историческая обстановка, характеризующая облик болгарского государства и болгарского об-

щества в конце IX и начале X вв.» (Ангелов 1992: 121, 127).

Христианизация Болгарии протекала болезненно. В 865 г. Борис-Михаил жестоко расправился с противившимися нововведениям приверженцами старых законов. Хан, принявший славянский титул князя, решился на полное уничтожение 52 родов болгарской знати. История повторилась при его сыне Владимире-Расате (889-893), которого удалившийся было в монастырь, отец лишил престола и ослепил за попытку вернуть страну к языческим порядкам (Андреев 1992: 60-61).

К концу IX в. христианство в Болгарии не только укрепилось, но и приобрело особенный облик (см. Литаврин 1988: 311-315). Благодаря деятельности последователей Кирилла и Мефодия, получившей большой размах с 886 г., славянский язык стал преобладающим во всех основных сферах жизни. Ключевые посты перешли в руки крещенной славянской и славянизированной верхушки. Разрыв с прошлым символизировало и перенесение столицы из Плиски в Преслав (893 г.). Однако с торжеством славянского богослужения христианизация уже не означала «ромеизацию». Впрочем, можно сказать и другое: Дунайская Болгария выиграла у Византии сражение за славян, подавив в себе нечто исконно славянское и исконно болгарское.

Воспитанный в Византии и слышавший «полупланином» болгарский князь Симеон (893-927) надолго устремил взор к Константинополю. Его идея создания болгарско-византийского государства стала обретать реальные очертания после смерти императора Александра (912-913), когда патриарх Николай I Мистик (901-907, 912-925) провозгласил Симеона царем болгар (Андреев 1992: 62-72; КК 1994: 340-345). Этот акт, на который вынужденно пошли византийские правители, превратил Болгарию в царство.

Получив широкое международное признание, Болгария вступила в период, который называют «золотым веком» Симеона (см. Божилев 1983). Как своего рода двойник Византии (Тойнби 1991: 326), она все более тяготела к Европе. Однако дипломаты Константинополя не без оснований видели в этом угрозу величии «второго Рима». Примириться с претензиями Симеона называться «василевсом гре-

ков» византийцы никак не могли. Показателем отношений соседей является предупреждение константинопольского патриарха царю болгар (конец 922 г.): императоры «не перестанут возбуждать для вашей гибели всякий народ: и венгров, и аланов, и печенегов, и русских, и другие скифские племена, пока последние не истребят болгарский народ совершенно» (см. Тихомиров 1947: 137).

Серьезные испытания Болгария пережила уже в 894-896 гг. Пришедшие с востока венгры сначала разорили ее задунайские владения от Тисы до Днестра. Затем с помощью византийских кораблей они переправились через Дунай, опустошили Добруджу, и достигли болгарской столицы. Симеон, добившись мира с византийцами, в 896 г. вместе с печенегами нанес венграм сокрушительный удар. Они оставили места своих кочевий в междуречье Буга и Днестра — «Ателкузу» и навсегда ушли в Паннонию (Димитров 1998: 29-37).

В условиях натиска кочевников с востока болгарские владения за Дунаем, включая земли между Прутом и Днестром, стали дальней периферией державы. Их население, в большинстве случаев сохранявшее основу старого дохристианского уклада, все более обособлялось. Регион по-прежнему оставался на стыке Европы с языческим миром Азии, в лице славян и кочевников-тюрков. В X в. местное население стало все сильнее ощущать воздействие новых сил. Возросла роль печенегов, усилилось влияние племен уличей и тиверцев, включенных постепенно в сферу господства Древнерусского государства.

Начиная от Аскольда и Дира (середина IX в.), древнерусские летописи фиксируют военные действия киевских князей против болгар. В столкновении с ними погиб в 864 г. «Оскольдов сын» (ПСРЛ 1965: 9; ср. Соловьев 1988: 130). В силу изменившейся политической обстановки, а также этнокультурной близости славянское население Карпато-Днестровских земель довольно быстро стало участвовать в этих походах. Во всяком случае, если 885 г. князь Олег воевал с тиверцами, то в 907 г. они уже пошли с ним заодно «на греков... на конях и на кораблях» (см. ПВЛ 1996: 150, 152). Собранные Киевом дружины к середине X в. беспрепятственно проходили к устьям Дуная и не только морем, но и по суше.

4. «Ветры злые да с восточной стороны»

Оказавшись под действием двух деструктивных факторов сразу, болгары лавировали между противниками: единоверными византийцами этнически близкими варварами севера и кочевниками степей Евразии. Поэтому вопреки мирному договору Симеона с ромеями, болгары в 907 г. очевидно заключили тайное соглашение с руссами, пропуская их войска через свои территории (Сахаров 1977: 91-93). Вмес-

те с тем, им не раз довелось сообщать византийцам о готовящихся вражеских походах на столицу империи. В 941 г. болгары сообщили императору, что Русь идет на Царьград на 10 тысячах судов. Так же они поступили и в 944 г., когда направлявшийся на Константинополь князь Игорь (912-945) привлек военные силы печенегов (ПВЛ 1996: 158-159; ср. Тихомиров 1947: 137). Однако есть основания думать, что

отряды некоторых представителей болгарской знати волей-неволей примыкали к проходившим через их земли войскам русского князя. Свидетельством этому является славянская надпись 943 г. на каменной плите из Мирча-Водэ (правый берег Дуная, недалеко от Чернаводэ в румынской Добрудже). Сохранившийся частично текст называет некоего «жупана Димитра». Не исключено, что носивший типично южнославянский титул князь являлся участником походов Игоря на византийцев — на плите читается слово «гърецехъ» (Федоров, Полевой 1973: 320-321).

Наконец, болгары всячески стремились наладить добрые отношения и с кочевниками. В одном из своих писем Симеону (август 917 г.) константинопольский патриарх укоряет болгар за многократные и постоянные попытки добиться союза с печенегами «посредством браков своих детей» (МДСБ 1991: 83). Действительно, с конца IX в. Болгарию на северо-востоке упорно теснили кочевники. Подконтрольные болгарским правителям территории Северного Причерноморья сокращались; а их границы постепенно сдвигались с востока на запад в направлении Дуная. Этот процесс осветил император Константин Багрянородный (913-959), сообщивший о «турках» (венграх), некогда обитавших «в местах, именуемых Ателкузу, в которых ныне проживает народ пачинакитов» (печенеги). Он также перечислил пять рек занятой ими местности, включая «Трулл» (Днестр), «Брут» (Прут) и «Серет». Совершенно ясно — к середине X в. кочевья печенегов находились совсем недалеко от Дуная. Об этом прямо говорит тот же автор: «Пачинакия отстоит... от Булгарии — на полдня» (Константин Багрянородный 1991: 41, 157, 163).

Характер отношений болгар с печенегами достаточно красноречиво отразили источники. В 944 г., чтобы остановить русско-печенежское вторжение, император послал остановившимся у Дуная дружинам Игоря «злато и паволоки». Конфликт удалось исчерпать мирными средствами, но князь велел печенегам напасть на Болгарскую землю (ПВЛ 1996: 159). По византийским данным печенеги, «могут легко выступать против Булгарии и, благодаря своему подавляющему большинству и силе, одолевая тех и побеждать. Поэтому и болгары проявляют постоянное старание и заботу о мире и согласии с пачинакитами» (Константин Багрянородный 1991: 41). Бесспорно, что всего за 50-60 лет расположение принадлежавшего печенегам «Ателкузу», сильно изменилось, ведь венгерские земли с тем же названием первоначально находились гораздо восточнее (Димитров 1998: 39-40).

О сокращении к середине X в. болгарских владений на северо-востоке может свидетельствовать еще один отрывок из сочинения императора Константина VII. У переправ через

Днестр со стороны Болгарии ему поименно известны «пустые крепости», первая из которых «названа пачинакитами Аспрон, так как ее камни кажутся совсем белыми». Другие пять «древних крепостей» перечислены под печенежскими названиями, хотя в них «обнаруживаются некие признаки церквей и кресты, высеченные в песчанике, поэтому кое-кто сохраняет предание, что ромеи некогда имели там поселение» (Константин Багрянородный 1991: 157). Очевидно, что автор не уверен в византийском прошлом запустевших сравнительно недавно крепостей. Вместе с тем, они локализируются в районе распространения приднестровской группы болгарских древностей (см. Козлов 1997). К тому же соотношение «Аспрона» со средневековым Белгородом на Днестровском лимане (Божилев 1979: 57-71; Константин Багрянородный 1991: 391), а одной из оставшихся крепостей с городищем Калфа (см. Чеботаренко 1973) позволяет видеть в них систему пограничных укреплений Болгарии предшествующего времени. В какой-то мере эта ситуация подтверждается хронологией болгарских памятников региона, жизнь которых, по мнению ряда исследователей, прекращается к началу X в. (Рашев 1995: 91; Атанасов 2001: 189).

Можно предположить, что инфильтрация печенегов в северо-восточные пределы державы Симеона, а затем его преемника Петра (927-970) проходила в значительной степени мирно. Думается, что сообщения о браках со степняками в первую очередь отражают взаимосвязи оставшихся еще в степях Северо-Западного Причерноморья болгар-язычников с родственными по языку и культуре печенегами, с которыми на запад могли быть увлечены и отдельные группы болгар Хазарии. В частности, кавары, проигравшие войну хазарам, бежали и «поселились в земле пачинакитов» (Константин Багрянородный 1991: 163). Археологические исследования отмечают большую неоднородность древностей приморской полосы края. Ее причиной стал «постоянный приток к Дунаю новых групп населения — славянского, салтово-маяцкого и представителей иных этнических групп» (Смиленко 1991: 179). Происходившие перемены придали региону иной политический статус. В итоге к середине X в. рубежи противостояния христианского Болгарского царства с Востоком, несомненно, уже откатились к дунайским берегам.

Цивилизаторские процессы в Болгарии углубили противоречия между центром страны и провинциями. Для Карпато-Днестровских территорий это означало еще большую автономизацию с ориентацией на Киевскую Русь для славян и на печенегов — для болгар. Название печенегов связывается с древнетюркским термином системы родства «баджанак», «баджи-нак», через который выводится этимология:

«племя, породненное посредством союза» (Spinei 1996: 52). Любопытно, что и в современном болгарском языке это слово, чаще употребляемое во множественном числе («баджинаци», «баджинаци»), служит для обозначения свояков (Бернштейн 1975: 24). Легко составить треугольник, две стороны которого образуют мужчины, женатые на родных сестрах, пред-

ставляющих третью сторону — славян? В случае болгар этот термин, надо думать, свидетельствует не только об обычной практике взаимных браков среди разноплеменных народов Подунавья, но и указывает на существование какой-то древней генеалогической легенды, объясняющей близкое происхождение болгар и печенегов.

5. «С нашим атаманом не приходится тужить»

Пожалуй, трудно оспаривать тот факт, что в рассматриваемые годы в Подунавье столкнулись давние, неплохо знавшие друг друга партнеры и противники. Именно эта посылка была у истоков византийского сценария русского похода в Болгарию. Однако составленный константинопольскими дипломатами план не стал руководством для Святослава Игоревича. В битве под Доростолом (ныне Силистра) 60-тысячное войско киевского князя одолело 30-тысячную армию царя Петра. После этого Святослав стал хозяином положения на Нижнем Дунае, а местом своего пребывания сделал Переяславец — по всей видимости, город, находившийся у современного с. Нуфэру на рукаве св. Георгия в Румынии (см. Коновалова, Перхавко 2000: 55-57). Территории, расположенные севернее низовий Дуная, оказались близким тылом русского войска.

По сообщению Скилицы, разбив болгарское войско, «народ росов, ... покорил Болгарию и ... не помышлял более о возвращении домой. ... [Росы] разорвали договор, заключенный с императором Никифором, и сочли за благо остаться в стране и владеть ею. ... Росы рассматривали Болгарию как свою военную добычу». Более того, они заключили соглашение «с поработанными уже болгарями» (Скилица 1988: 121-122; ГИБИ-VI 1965: 260). Дело не только в том, что русский князь отверг договор с Никифором II Фокой и по «праву оружия» новые земли могли считаться его собственностью. Неожиданным кажется поведение Святослава, надо думать вынашивавшего свой замысел относительно Болгарии еще до визита Калокира в Киев. Исследователи отмечают, что ко времени прибытия византийской миссии на Русь решение о походе на Дунай уже созрело (Тихомиров 1947: 143-146; Сахаров 1982: 53-92).

Истинные намерения русского предводителя отражены в летописном рассказе: «Одолел Святослав болгар, и взял городов их 80 по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце». Еще яснее это сказано словами самого князя: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей» (ПВЛ 1996: 168, 169). Такое решение не встретило поддержки в верхах русского общества и особенно в Киеве. Дома, возвратившемуся в связи с печенежским набегом Святос-

лаву, знать заявила: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» (ПВЛ 1996: 169) То, что Святослав Игоревич считал уже своим, оставалось чужим для киевлян. Тем не менее, русское общество воспринимало князя как своего на правах отчича.

Представляется, что именно этот рассказ породил у Н.М. Карамзина противоречивую оценку личности Святослава: «Он славу побед уважал более государственного блага» (Карамзин 1989: 139). Такого рода взгляды бытуют на страницах научных изданий и до сих пор. Одни авторы видят в князе «в большей мере бродячего норманнского викинга, чем национального государя Русской земли». Для них он «типичный варяг-воин, дружинник» (Пушкарев 1991: 24; Платонов 1993: 100-102). Для других «Святослав — это крупный политический деятель», которым «интересуется весь тогдашний мир» (Греков 1953: 459, 466) или даже «настоящий запорожец на киевском престоле» (Грушевский 1994: 458). Однако «романтический» подход и категоричность оценок так и не преодолены. «Война была единственной всепоглощающей страстью Святослава. По имени славянин, по кодексу чести варяг, по образу жизни кочевник, он был сыном всей великой Евразии и вольно дышал в ее степях и чащах», — пишет О. Субтельный (Субтельный 1994: 39). В представлении Г. Цанковой-Петковой «Святослав проявил себя как принц-мечтатель», а «его отношение к взятым болгарским городам и особенно в Преславе и Доростоле было толерантным и демократичным» (Цанкова-Петкова 1986: 77-78). Думается, Святослав гораздо лучше, писавших многими столетиями позже авторов знал, не только чего хочет, но и на кого можно опереться в осуществлении своих замыслов.

Очевидное нежелание части русского общества поддержать начинание князя преодолевалось традиционным для всех эпох способом — к освоению новых земель Святослав привлек не имеющих престижного социального статуса дома, но полных «пассионарного порыва» людей. Византийский историк прямо говорит: «Сфендослав ... поднял на войну все молодое поколение тавров. Набрав, таким об-

разом, войско, состоявшее, кроме обоза, из шестидесяти тысяч цветущих здоровьем мужей» (Лев Диакон 1988: 44). Для восточных славян, а позднее русского общества (вспомним время Ермака Тимофеевича) подобные явления не были чем-то необыкновенным. Масштаб экспедиции Святослава обусловили личность князя и его положение в Киеве. Хотя официально он и считался главой страны, фактически управляла делами его мать, княгиня Ольга, а ключевые должности занимали преданные ей люди. Некоторые из них уже давно убелила седина — Свенельд, Добрыня, поскольку выдвинулись они еще во времена Игоря. Впервые внимание на названное обстоятельство обратил еще С.М. Соловьев: «Святослав никогда не имел на Руси значения князя: сначала это значение имела его мать Ольга, потом сына его» (Соловьев 1988: 161).

Куда же бросил собранные на обширных пространствах Восточной Европы военные силы князь? Опять же по традиционному для Древней Руси пути «из варяг в греки». Этот маршрут подробно описывает император Константин Багрянородный (944-959) как ежегодный, когда сообщает «о росах, отправляющихся с моносилами из России в Константинополь». Вместе с росами «из разных мест» в этих путешествиях принимали участие и славяне, «их пактиоты, ...и прочие Славинии» (Константин Багрянородный 1991: 45). По меньшей мере, с VI в. славяне стремились к Дунаю, и в этом отношении Святослав является продолжателем дела многих поколений славянских вождей, начиная от легендарного Кия. Святослав как последний язычник на киевском престоле был и последним из русских князей, столь последовательно проводивших линию своих предшественников. К тому же вряд ли можно найти

принципиальное отличие в действиях Олега, захватившего в 882 г. Киев, и в имевших место почти столетием позже походах Святослава по завоеванию Нижнего Подунавья с Переяславцем. Итак, отряды русского князя пришли на Дунай наезженными давно маршрутами и через земли, знакомые им достаточно хорошо. По всей видимости, часть войска двигалась по суше через степи Северо-Западного Причерноморья.

Как раз через эти территории прокладывал путь Руси на Балканы князь Игорь. Здесь он покорил тиверцев, владения которых доходили до устьев Днестра и Дуная. Открытие в последние десятилетия древности позволяют локализовать в этих местах болгарско-русское пограничье X в. (Смиленко 1991: 166-185). Археологический облик памятников региона не отличается однообразием и дает возможность утвердить тезис об относительно мирном сосуществовании на протяжении IX-X вв. в землях между низовьями Дуная и Днестра разнородных этнокультурных групп населения. Эта, надо думать, в основном славяно-тюркская среда едва ли могла определяться как однозначно «чужая» для прибывших сюда воинов Святослава. Неславянские элементы, по крайней мере, отчасти переживавшие состояние ассимиляции, отнюдь не отчуждались. Хотя главным образом войска набирались из восточных славян, в них, бесспорно, были и люди иного происхождения. В частности, заметную прослойку составляли варяги, в том числе славянизированные. Однородность отсутствовала и среди населения обоих берегов Дуная, между Карпатами и Балканами, а также в Добрудже. Хотя каждый из регионов и обладал своей спецификой, их общей чертой можно считать преобладание славянского компонента.

6. «Запорожец за Дунаем»

Под 967 г. Нестор сообщает, что после победы над болгарами Святослав стал править в Переяславце, а ромеев обложил данью (ПВЛ 1996: 168). Очевидное противоречие в тексте летописи снимается, если учесть, что византийцы после сражений оставались для киевского князя чужими, в то время как побежденные болгары были включены в круг своих, поскольку их земли достались ему по праву сильнейшего, доказавшего это сопернику оружием. По всей видимости, верным является то, что русский князь стремился непосредственно овладеть лишь Нижнем Подунавьем, а не всей Болгарией. В литературе высказано мнение о фактическом разделе Болгарского царства: во главе одной части находился русский князь, а другая была оставлена зависимому от него Борису II (Мутафчиев 1973: 248-249 и др.). Можно добавить еще и «третью Болгарию» — западные и юго-западные провинции страны, находившиеся в руках комито-

пулов. По некоторым данным русский князь находился в договорных отношениях с ними и вовсе не претендовал на подвластные им территории (Литаврин 1988: 321). Кроме косвенных сведений данных, об этих отношениях нет. Зато византийский источник свидетельствует, что росы достигли согласия с другими варварами — «стали действовать совместно с поработочными уже болгарами и присоединили в качестве союзников пачинаков и турок» (Скилица 1988: 122). Сохранение за болгарским царем титула, казны и столицы указывает на характер отношений двух правителей. Похоже, его смысл состоял не только в совместных действиях против византийцев. Действительно, рядом с Борисом в Преславе находился Сфенкел-Свенельд известный на Руси полководец старшего поколения. Он командовал отрядом, численно сопоставимым с войском Святослава, и действовал автономно.

Приведенные факты легко вписываются в модель связей Древней Руси, где киевскому князю подчинялись племенные вожди. Своего рода федерацию, которую принес на Балканы Святослав, можно квалифицировать как возврат к общественному устройству эпохи язычества, когда хану Болгарии подчинялись князья Славиний. Между тем, византийские источники уже со второй половины IX в. перестали сообщать отдельно о «Болгарии» и «Славиниях» (Ангелов 1992: 134). В данном контексте уместна параллель с князем Малом. Во времена Игоря он сохранял свою власть в Древлянской земле и находился в столице Искоростене, а дань с его владений в пользу великого князя собирал с собственной дружиной тот же Свенельд (Свердлов 1992: 62-66). Если эти наблюдения и аналогии справедливы, то становится ясным ход многих событий, кажущихся на первый взгляд непродуманными и случайными. В изложении византийской «Истории» есть указание на осмысленность действий Святослава, который собирался в поход на Дунай уже «видя себя во сне владетелем страны мисян» (Лев Диакон 1988: 44). Однако вряд ли эти «мечты» появились у него лишь под воздействием прелестника Калокира, обещавшего ему неисчислимы сокровища.

Кроме царя, свои функции в зависимых от руссов землях продолжали исполнять и правители более низкого ранга. Судя по всему, русскому князю присягнули многие крепости на левобережья Дуная и Констанция (по одной из версий на месте современной Констанцы в Добрудже). Посланники из них прибыли к византийскому императору Иоанну I Цимисхию, осадившему Святослава в Доростоле. «Они умоляли простить им все плохое и отдавали себя и свои укрепления в его руки. Благосклонно приняв их, император послал занять крепости, а также отправил войско, необходимое для их охраны» (Скилица 1988: 128). Византийский писатель признался, что только страх перед ромеями вынуждал «пограничные варварские народы» отказываться в помощи заблокированным в кре-

пости на Дунае дружинам Святослава (ГИБИ-VI 1965: 268, 270).

Огромный интерес для изучения темы представляет т.н. «Записка реческого топарха». Этот византийский источник, достоверность которого некоторые историки подвергают сомнению, повествует о времени Святослава или последовавших десятилетиях. Его сведения относятся к событиям, развернувшимся между Дунаем и Днестром, хотя и с этим согласны далеко не все исследователи (ср. Божилев 1979; Венедиков 1979: 106-108; Сахаров 1982: 112-127).

Отряд византийского военачальника, управлявшего землями к северу от устьев Дуная, попал под удары варваров. Он не смог противостоять врагу, установившим свою власть над Маврокастро (теперешний Белгород-Днестровский). Топарх отступил на восток в крымские владения византийцев (Божилев 1979: 57-71). В этом источнике болгары предстают соседями неназванного правителя, возглавлявшего общность того же этнокультурного круга. В ходе военных действий жителей края обвинили в клятвopепреступлении и сделали «добычей насилия и меча». Более десятка городов обезлюдели и не менее 500 сел были превращены в пустыню. В поисках выхода из сложнейшей ситуации топарх лично побывал у того, «кто правил к северу от Дуная». Варвар-победитель, сопоставляемый с русским князем, к удивлению ромея принял его с почетом и вернул ему управление областью «Климаты» (ГИБИ-V 1964: 299-302; см. Тьпкова-Заимова 1976: 44-51; Божилев 1979: 41, 43 и др.; Сахаров 1982: 113).

Более того, он сделал на первый взгляд неожиданно щедрый жест в пользу византийца: «Прибавил целую сатрапию и дал мне значительные ежегодные доходы в своей земле» (см. Тьпкова-Заимова 1976: 44-51; Божилев 1979: 43; Сахаров 1982: 114). Сам «греческий топарх» говорит, что враждебные империи варвары, прежде настолько славившись справедливостью и законностью, что «и города, и народы добровольно присоединялись к ним» (Божилев 1979: 41; Сахаров 1982: 113).

7. «Да, скифы мы!»

Однако контакты прибывшей на территорию Болгарии армии Святослава не ограничились связями с правящей элитой. Есть основания полагать, что население покоренной страны довольно быстро выработало линию поведения с завоевателями. Несмотря на то, что немало историков определяли деятельность Святослава и его сподвижников как бродячей дружины варягов, эта оценка ни в коей мере не соответствует действительности.

Византийские авторы стремились изобразить русов вроде диких зверей, нарисовать жестокие сцены массовых расправ. Например, взяв Филиппополь (совр. Пловдив), Святослав по со-

общению источника «посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и [обуздал] всякое сопротивление и обеспечил покорность» (Лев Диакон 1988: 56). Однако, даже если такого рода известия и имеют под собой основание, пребывание отрядов киевского князя не было похоже на походы Игоря, Олега и их предшественников в эти земли. Тем более, завоевание Святослава не походило на вторжения скандинавов в западноевропейские пределы, где возникла знаменитая молитва: «Избави нас, Боже, от дьявола и от норманнов» (ИЕ 1992: 528-530 и др.).

Свидетельства источников дают примеры

совместных действий русских и болгарских военных отрядов против Византии. Лежащий на поверхности ответ о том, что такой союз держался исключительно на принуждении и на общей ненависти к империи явно упрощен. Описание действий антивизантийских сил в сочинении Иоанна Скилицы таково: «Варвары разделились на три части — в первой были болгары и росы, турки же и патцинаки выступали отдельно» (Скилица 1988: 123). Исследователи обратили внимание на возможность такого объединения болгар и русов благодаря двум обстоятельствам — сходству военной организации и общности языка. Эти точки соприкосновения и делали боевое взаимодействие вчерашних врагов эффективным (Тихомиров 1947: 149-150). Хотя греческие источники и называют фантастические цифры вражеских войск — 308 тыс., можно думать, что основную часть болгарских подразделений составляли не профессиональные воины, а ополчение. В рядах воинов и делались первые шаги к взаимному узнаванию культурного родства. Болгарско-русское объединение имело ярко выраженную антивизантийскую платформу, поэтому его особенно поддерживали силы, не желавшие ни под каким предлогом допускать гегемонии империи. Высказано мнение о существовании в Болгарском царстве двух партий — прорусской и провизантийской. О представителях первой П.О. Карышковский писал: «Болгары видели в русском князе своего вождя против ненавистной Византии, а Святослав чувствовал себя в некоторой степени преемником политических заветов Симеона» (Карышковский 1951: 104-105). Действительно, источники сохранили «указание» князя в адрес императора: «Зря он по неразумию своему принимает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых страшат всякими пугалами». Святослав не останавливается перед прямыми угрозами: «Мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия... и покажем ему на деле, что мы... мужи крови, которые оружием побеждают врага» (Лев Диакон 1988: 58). Могли ли такие намерения оставить равнодушными те слои болгарского общества, в которых жила слава победы царя Симеона (893-927)?

Трудно отрицать роль войн Святослава в развитии болгарско-русских культурных связей, на которую указывают историки (Михайлов

1986: 69). Они несомненно открывали и болгарам, и русским близость их обычаев, древних общеславянских обрядов. На эту основу отношений указывает «греческий топарх», в записках которого местные жители «были соседями царствующего к северу от Дуная, ... не отличались по обычаям от тамошних жителей в собственном быту». В этом обстоятельстве византиец видит одну из причин, толкнувших прежде подвластных империи людей перейти на сторону варваров-победителей: «Они решили заключить с ними договор и передаться ему и сообща пришли к заключению, что и я должен сделать то же самое» (Божилев 1979: 43; Сахаров 1982: 114).

О близости нравов болгар и русских того времени говорят конкретные примеры. По сообщению Константина Багрянородного росы «приносят в жертву живых петухов... Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми» (Константин Багрянородный 1991: 49). Жертвоприношения петухами, упомянутые как русский обряд и в связи с походами Святослава: «Они задушили [несколько] грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра» (Лев Диакон 1988: 78; Симеонова 1992: 306-312). Приведенные данные, отчасти находят соответствия в этнографии северо-восточной Болгарии. Знаменательно, что такая жертва приносится в честь мальчиков, мужчин (Генчев 1979: 21-37). Обращено внимание и на общность клятвы оружием, в частности мечами. У болгар она называется в ответах на вопросы папы Николая I (Тихомиров 1947: 139-149; Петрова 1992: 38-39). Если же говорить о сходствах народных праздников, древних поверий и т. п., то эти аналогии можно представить в виде очень длинного списка. Они прослеживаются вплоть до XX в. и не приходится сомневаться, что 1000 годами ранее их родство являлось еще более очевидным. Столетие христианства в Болгарию в условиях существования известных болгарско-славянских противоречий и широкого распространения богомилства не могло оттеснить, а тем более стереть в сознании населения традиции славянского язычества. Не это ли единство подразумевали в Византии, когда оба народа именовали «скифскими»? При этом далеко не всегда из греческих текстов понятно идет ли речь только о болгарях, только о росах или о тех и других вместе.

8. «Воссия мирови свет разума»?

Отличие болгар и россов в принципе можно вписать в антитезу «христиане — язычники», разыгрываемую в событиях 968-971 гг. Византийской империей. Однако такая постановка вопроса справедлива лишь отчасти. Конечно, на уровне отношений священников и жрецов — это антагонизм, тогда как в бытовом об-

щении низов данное противоречие может сглаживаться до минимума. Для настоящей работы как раз и важно установить повседневность отношений рядовых участников событий. А она предстает в следующем виде. По замечанию византийского историка, во время осады Преслава «погибло также множество мисян, сра-

жавшихся на стороне врагов против ромеев, вивонников нападения на них скифов» (Лев Диакон 1988: 72). К этому отрывку по смыслу, по всей видимости, примыкает эпизод, связанный с осадой Доростола, когда положение войска Святослава стало безнадежным. «Снимая доспехи с убитых варваров, ромеи находили между ними мертвых женщин в мужской одежде, которые сражались вместе с мужчинами против ромеев» (Скилица 1988: 130). Скорее всего, это были болгарки из числа тех, кто до конца был с русскими. В дни мира эти контакты являлись еще более тесными.

Неожиданный бросок через Балканы армии Иоанна Цимисхия произошел накануне Пасхи. Это стало возможным, по словам Льва Диакона из-за беспечности «скифов», не перекрывших «ведущие в Мисию непроходимые, узкие тропы». По мнению императора «их обмануло приближение святой пасхи, они не преградили дороги, не закрыли пути, полагая, что мы не откажемся от блестящих одежд, от торжественных шествий, пиршеств и зрелищ, которыми знаменуют дни великого праздника, ради тяжелых невзгод войны». Получив известие, что «пока еще скифы бездействуют», император предложил: Мы ...сейчас же воспользуемся благоприятным случаем, вооружимся и как можно скорее переправимся по узкой дороге, покуда тавроскифы не узнали о нашем прибытии и не навязали бой в горных проходах» (Лев Диакон 1988: 69-70). Этническая терминология позволяет находить в лице врагов империи и болгар, и росов, так или иначе сообразующих свои действия с христианскими праздниками. С другой стороны известно описание время проведения в лагере Святослава под Аркадиополем, где россы и болгары составляли одно целое. «Без страха разбрелись они кто куда, стали разбивать лагерь как попало и, проводя ночи в возлияниях и пьянстве, в игре на флейтах и кимвалах, в варварских плясках» (Скилица 1988: 122). Возьмемся предложить, что болгары не отличались в своей массе преданностью христианству, а росам вероучение Христа не было абсолютно чуждым.

Об отношении росов к христианству во второй половине X в. свидетельствуют целый ряд данных. Имеются сведения о крещении части

восточных славян, а возможно и варягов еще в 860 г., то есть примерно в одно время с принятием христианства болгарями. О существовании в Киеве церкви Св. Ильи при князе Игоре, в дружине которого было немало христиан, также хорошо известно. Яркий пример тому показала и княгиня Ольга, в крещении Елена — мать Святослава. Чтобы приобщиться к новой вере, она специально приехала в Византию, где ее крестным отцом стал сам император. Правда, существует мнение, что она приняла христианскую религию еще до визита в Константинополь. Будучи ревностной христианкой, Ольга-Елена воспитала таким внука — наследника Святослава, князя Ярополка (ИУ 1981: 352-353). О личной позиции Святослава летопись сообщает: «Учила его мать принять крещение, но он и не думал и не прислушивался к этому: но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем». Однажды он как будто бы даже заявил Ольге: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться» (ПВЛ 1996: 167).

Очевидно, христианство вошло в киевский княжеский дом едва ли не одновременно со славянством, ведь Святослав был первым представителем династии Рюриковичей, носившим славянское имя. Но не слышатся ли в имени княжича, названного «Святославом», христианские аллюзии? Стоит подчеркнуть, что Ольга указывала путь христианизации сыну, убеждая его: дружина последует примеру князя! Однако суровый воин, судя по всему, считал поклонение христианским святыням, отправление новых обрядов и исповедование ценностей «всеобщей любви» не мужским делом. Последующее плотное общение с болгарями показывало возможность быть христианами восточного обряда и не идти на поклон к византийцам. К тому же этот шаг был подготовлен и существованием к середине X в. славяноязычной христианской литературы. В сущности, Русь шла одной дорогой с Болгарией, но вслед за ней. В какой-то мере это понимало или скорее чувствовало воинство Святослава, собиравшееся навсегда осесть со своим князем в Подунавье. Иначе трудно понять, почему росы почти благоговейно относились к христианским храмам, не подвергая их разграблению.

9. «Велика Россия, а отступать некуда!»

Военные победы византийцев стали главной причиной краха замыслов Святослава. После падения Преслава в руках императора оказались «многие города, которые отвергли власть скифов и переходили на сторону ромеев» (Лев Диакон 1988: 73). Инициатива перешла к провизантийской партии, за которой устремилась и дезориентированная обещаниями византийцев-единоверцев рядовая часть болгарского общества.

Русский князь, находившийся тогда в Доростоле, вынужден был попытаться остановить развал единства антивизантийских сил репрессиями. Как сообщает источник, первыми жертвами пали его болгарские сторонники из Доростола и окрестных земель, которые могли стать на путь измены. «Сфендослав видел, что мисяне отказываются от союза с ним и переходят на сторону императора. Поняв по зрелом размышлении, что, если мисяне склонятся к ро-

меям, дела его закончатся плохо, он созвал около трехсот наиболее родовитых и влиятельных из их числа и с бесчеловечной дикостью расправился с ними — всех их он обезглавил, а многих других заключил в оковы и бросил в тюрьму» (Лев Диакон 1988: 73).

Святослав Игоревич принял чрезвычайные меры: «Находившихся у него пленных болгар, числом около двадцати тысяч, он, опасаясь их восстания, приказал заковать в колодки и в цепи». Запертые в крепости Доростола с суши и реки росы потеряли надежду на подкрепление извне. «Одноплеменники были далеко, соседние народы из числа варварских, боясь ромеев, отказывали им в поддержке» (Скилица 1988: 127, 130). Этот пассаж любопытен своей откровенностью. Выясняется, что только страх перед византийцами и удерживал варваров от солидарности друг с другом. Произшедшим расколом в полной мере воспользовались ромеи.

Уход Святослава из низовий Дуная выглядит довольно странным. Во-первых, он настаивал на борьбе с ромеями даже тогда, когда уже не оставалось шансов на успех. Во-вторых, вопреки данному обещанию не приходило с войсками в Болгарию, он к этому и стремился. «Пойду на Русь, приведу еще дружины» (ПВЛ 1950: 249), — передает его слова русский летописец. Далее князь отправился на Русь морем, хотя Свенельд советовал ему идти по суше. Еще более странным выглядит решение Святослава зимовать на Белобережье — близ устьев Днестра, а не возвращаться поскорее в Киев. Только ли печенеги явились виновниками той голодной зимы?

По имеющимся материалам так нельзя сказать, поскольку Свенельд вполне благополучно добрался домой. Значит, князь нарочно медлил, а печенежские заставы являлись лишь благовидным поводом для заминки. В то же время получается, что умудренный опытом полководец Свенельд бросил на произвол судьбы своего господина. По средневековым законам такой поступок приравнивался к предательству и должен был караться смертью. Действительно, в литературе существует и такая трактовка. Однако в нее поверить трудно (Рыбаков 1964: 47). Более правдоподобна, на мой взгляд, версия С.М. Соловьева, который подчеркивал, что Святослав «отправился навсегда в Болгарию, свою страну». После серьезной неудачи на Дунае князь принужден был «возвратиться в Русь, от которой уже отрекся, где уже княжили его сыновья: в каком отношении он находился к ним, особенно к старшему Ярополку, сидевшему в Киеве? Во всяком случае, ему необходимо было лишить последнего данной ему власти и занять его место: притом как должны были смотреть на него киевляне, которые и прежде упрекали его за то, что он отрекся от Руси? Теперь он потерял ту страну,

для которой пренебрег Русью, и пришел беглецом в родную землю» (Соловьев 1988: 160).

Святославу Игоревичу, находившемуся в расцвете лет неукротимому воину, такой поворот судьбы казался невыносимым. По всей видимости, он ждал на пол пути между Переяславцем и Киевом прихода Свенельда с вновь набранными на Руси отрядами. Князь верил в свою звезду и жаждал реванша. Однако к весне так и не подоспели дружины, на которые он возлагал все свои надежды.

Можно догадываться, кто воспрепятствовал организации нового похода. Скорее всего, решающую роль в этом сыграла основательно укрепившаяся в Киеве за время отсутствия Святослава боярская группировка, от имени которой правил юный князь-христианин Ярополк Святославич. Она более, нежели территориальным расширением Руси, интересовалась установлением стабильных границ и внутреннего порядка. Для нее устремления сына Ольги оставались чуждыми, ибо в основном эта знать происходила из местных, привязанных традицией к своим землям родов. Находившиеся у власти люди не обладали мобильностью купцов и воинов севера. В Поднепровье конца IX — середины X вв. данный тип представляли главным образом пришельцы. Они зачастую и составляли основу дружинной верхушки, ратовавшей за организацию дальних походов. Что касается молодежи, то ее наиболее активная часть покинула родные места несколькими годами раньше — в начале первого и второго походов на Балканы. Уже по этим причинам неистовый князь-воин Святослав оказался обреченным...

Дело довершили печенеги, направленные против росов то ли болгарскими «перевальцами» (ПВЛ 1996: 171), то ли византийцами — специальное посольство Феофила, архиепископа Евхитского, побывало у кочевников (Скилица 1988: 132; ГИБИ-VI 1965: 274). Собственно говоря, эта хитрость, направленная на физическое устранение Святослава, является едва ли не самым замысловатым ходом империи в отношениях с росами. В других случаях Константинополь действовал достаточно прямолинейно. Когда привлеченные для нападения на Болгарию силы варваров обосновались на Нижнем Дунае, от них потребовали немедленно уйти «в свои области и к Киммерийскому Боспору, покинув Мисию, которая принадлежит ромеям и издавна считается частью Македонии» (Лев Диакон 1988: 56). Отказ однозначно фиксировал начало боевых действий. В дальнейшем ультиматумы чередовались военными столкновениями.

Правда, люди императора напоминали русскому князю о договоре, заключенном с его отцом, Игорем, и осада Доростола завершилась подписанием аналогичного документа. Любопытен факт признания самими греками

высокой цены этого соглашения. Императору якобы помог в критический момент Св. Феодор Стратилат, но для убедительной победы сил не хватило. Поэтому когда послы росов пришли договариваться о мире, предъявив

ряд своих требований, император «с радостью принял эти условия» (Лев Диакон 1988: 81). При всем этом Святослав и его воины оставались для греков свирепыми полудикими существами.

10. «При красоте такой, была бы ты у нас...»

По отношению к болгарам византийцы занимали двоякую позицию. С одной стороны, ромеи не хотели «как рабы, платить подати грязному и во всех иных отношениях низкому скифскому племени», которое подчиняется «вождю, покрытому шкурами и грызущему сырую кожу». Не случайно Лев Диакон описывает варварскую страну словами Гомера, утверждая от имени императора, что в этой земле «беда за бедою восстала». Болгары на взгляд византийцев слабые воины, поскольку при нападении росов «не выдержали первого же натиска, обратились в бегство и постыдным образом заперлись в безопасной крепости своей Дористоле». С другой стороны, тот же автор пишет: «Мисяне без всяких отклонений исповедуют христианскую религию», а их царя Петра знает как «мужа боголюбивого и благочестивого». Он же называет только трех императоров, совершивших победные походы в Болгарию. «История не сохранила упоминаний о ком-либо ином из ромеев, победившем мисян на их земле» (Лев Диакон 1988: 36, 44, 45, 56). Последнее обстоятельство вовсе не мешало ромеям считать Мизию своим владением.

Византия в сложные для себя времена особенно усиленно эксплуатировала тему единой веры. На религиозной платформе строился союз против росов еще при Никифоре Фоке. Император через своих послов, припомнив болгарам о христианских идеалах, «попросил у них девиц царского рода, чтобы выдать их замуж за сыновей василевса Романа, укрепив посредством родства неразрывный мир и дружбу между ромеями и мисянами». Мисяне с радостью откликнулись на сделанное предложение. Они послали к василевсу «девиц царской крови..., умоляя его как можно скорее прийти к ним на помощь, отвратить повисшую над их головами секиру тавров и обезвредить ее». В другом месте автор повторяет, что болгары «простирали с мольбой руки, заклиная императора прийти к ним на помощь» (Лев Диакон 1988: 45-46). Однако наметившееся болгаро-византийское объединение не состоялось.

Новый правитель ромеев Иоанн Цимисхий действовал уже против болгарско-русского союза. Чтобы расстроить его требовалась впечатляющая военная победа и потому император заявил: «С первого же приступа овладеем городом Преславой, столицей мисян, а затем ... легко обуздаем безумие росов». Византийская армия устроила в болгарской столице на-

стоящую резню: «Ромеи все разом ворвались в город и рассыпались по узким улицам, убивали врагов и грабили их добро» (Лев Диакон 1988: 69,72). Царь Борис II был пленен и приведен к Цимисхию. «Император человеколюбиво повелел, называя его царем болгар, отпустить всех пленных болгар, предоставив им свободно идти, куда кто захочет; он говорил, что прибыл не для того чтобы повергнуть болгар в рабство, но чтобы освободить, и утверждал, что одних только росов он считает врагами и относится к ним по-вражески» (Скилица 1988: 125-126). Разумеется, такая дипломатия, направленная на раскол в среде союзников, являлась верхом лицемерия. Высокая риторика на фоне трупов совсем не убеждала в искренности намерений византийцев, но открывала путь в их лагерь для соглашателей из числа болгар. Эта тропка мостилась рассуждениями о единоверцах — «спасителях» и «спасенных». Однако реальные события совсем скоро полностью разведали лживость имперских деклараций.

Греческие историки сами рассказывают о кощунствах, которые совершил в болгарских церквях магистр-пьяница Иоанн Куркуас: «Говорят, что он разграбил в Мисии много [церквей] и обратил в свое частное имущество их утварь и священные сосуды» (Лев Диакон 1988: 78).

Финальным аккордом византийской освободительной эпопеи явился триумф в Константинополе. Император на века прославил себя тем, что «всего в четыре месяца победил полчища росов и возвратил ромеям Мисию» Жители столицы, поднесли ему дорогие «венцы и скипетры», «украшенную золотом колесницу, запряженную белыми лошадьми. ...Устлав золотое сиденье колесницы пурпурными мисийскими одеждами и венками, он водрузил на нем вывезенное из Мисии изображение богородицы... Сам он следовал на резвом коне сзади». Затем Иоанн Цимисхий отправился в императорский дворец, «ввел туда царя мисян Бориса и приказал ему сложить с себя знаки царского достоинства. Они состояли из тиары, ...багряницы и красных полусапог» (Лев Диакон 1988: 82-83).

Бегство Бориса II около 977 г. из ромейского плена обернулось несчастным случаем. У границы родной земли царь-неудачник был убит одним из своих воинов. Пограничная стража приняла одетого в византийское платье человека за чужого... (Андреев 1992: 81; КК 1994: 41-42).

11. «Конец хоть не трагичный, но досадный»

Несмотря на очевидную близость по ряду этнокультурных характеристик болгар и росов, они не могли стать друг для друга своими. Кроме военных поражений, этому сильно препятствовала значительная разность уровней общественного развития. Русская полуварварская государственность, сохранявшая традиционное устройство и управление своих составных, главным образом выражалась в их даннической зависимости от центра. В Болгарии такого рода отношения были изжиты с ликвидацией Славиний еще в IX в. Кроме того, в Подунавье уже дал свои зримые плоды славяно-болгарский синтез. Сложился отдельный этнос в какой-то мере противостоящий восточнославянскому типу. Святослав, похоже, не учел всех возможностей Византии и не сразу увидел ограниченности своей власти в распоряжении людским потенциалом Руси. В результате он очень быстро исчерпал экспансионистские резервы восточных славян. Оторвавшись от Поднепровья, князь перестал там восприниматься в Киеве как свой, в сущности, лично отказавшись от этого статуса. Способы освоения Подунавья, проводимые русским князем, в сочетании с постоянным противодействием другого претендента на эту роль в лице императора Византии дезориентировали болгар. Ромеи действовали более изощренно, эксплуатируя христианское сознание населения Болгарии. Это помогло им нейтрализовать единоверцев, а затем ценой чрезвычайных усилий вытеснить войско Святослава Игоревича из района Нижнего Дуная. Вслед за тем пришел черед своих-чужих болгар, страна которых стремительно была превращена в провинцию империи.

Кажется из столкновения Руси с Болгарией выиграли только греки, в руках у которых при императоре Иоанне Цимисхии опять оказалась вся северо-восточная Болгария, включая земли по обе стороны от устья Дуная. Кратковременный успех Болгарского царства на северо-

востоке после смерти Иоанна Цимисхия не изменил общий ход событий — самостоятельного существования государства были сочтены. В 1018 г. страна полностью лишилась независимости и почти на два столетия попала под власть Византии. Ранее других эта участь постигла земли по обе стороны Нижнего Дуная, где была создана стратегически важная для империи тема Паристрион, то есть «Подунавье». Ее центром стала крепость Дуросторум (Силистра), где находился глава провинции (ИБ 1982: 23).

Святослав остался в памяти русского народа как герой легендарный. По некоторым данным быллинный Дунай Иванович, он же Дунай Переславьев есть никто иной, как отважный киевский князь (см. Коновалова, Перхавко 2000: 61). У настоящего же Святослава печенеги «взяли голову его и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него» (ПВЛ 1996: 172). Когда-то в 811 г. болгарский хан-язычник Крум (802-914) угощал славянских князей из подобного сосуда, бывшего до поры черепом поверженного византийского императора Никифора I (Андреев 1992: 31; КК 1994: 228).

Что касается земель Нижнего Подунавья, то их богатства по-прежнему вызывали восторг всего мира. В середине XII в. арабский автор ал-Идриси о здешних «цветущих» городах, что в них имеются «высокие здания и постройки с широкими сводами». Они отличались большими размерами, «многолюдными и изобильными базарами», многочисленными полями вокруг и низкими ценами на зерно (Коновалова 1999: 153-154, 159-160; Коновалова, Перхавко 2000: 203). Формально здесь правили византийцы, фактически диктовали свои условия степняки, среди населения преобладали болгары, а русские князья и в XII в. мечтали переселить к себе «болгар дунайских» да не очень успешно назначали «посадников по Дунаю» (ПВЛ 1996: 251, 267-268). Близ устья великой реки как и прежде сходились «все блага».

ЛИТЕРАТУРА

- Ангелов Д. 1992. История на средновековната българска държава и право. София.
- Андреев Й. 1992. Българските ханове и царе VII-XIV век. София.
- Атанасов Г. 2001. Нов поглед към демографските и етнокултурните промени в Добруджа през средновековието // *Studia balcanica*. 23. София. С. 185-214.
- Бернштейн С.Б. 1975. Болгарско-русский словарь. М.
- Божилев И. 1979. Анонимът на Хазе: България и Византия на Долни Дунав в края на X век. София.
- Божилев И. 1983. Цар Симеон Велики (893-927): Златният век на Средновековна България. София.
- Венедиков И. 1979. Военното и административното устройство на България през IX и X век. София.
- Генчев Ст. 1979. Общи елементи в обичайната система на българи и руси // *Българска етнография*. IV. Кн. 2. София. С. 21-37.
- ГИБИ 1964. — Гръцки извори за българската история. Т. V. София. (Лъв Дякон. История. С. 245-276; Записка на готския топарх. С. 296-302).
- ГИБИ 1965. — Гръцки извори за българската история. Т. VI. София. (Кедрин — Скилица. Кратка история. С. 199-340).
- Греков Б.Д. 1953. Киевская Русь. Л.
- Грушевський М.С. 1994. Історія України-Руси. Т. 1. Київ.
- Гюзелев В. 1969. Княз Борис I. София.
- Димитров Х. 1998. Българо-унгарски отношения през средновековието. София.
- Дресел Г. 1999. Историческа антропология. Въведение. Благоевград.
- ИБ 1982. — История на България. Т. 3. Втора българ-

- ска държава. София.
- ИЕ 1992. — История Европы. Т. 2. М.
- ИУ 1981. — История Украинской ССР. Т. 1. Киев.
- Карамзин Н.М. 1989. История государства Российского. Т. 1. М.
- Карышковский П.О. 1951. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава // ВИ. № 8.
- Козлов В.В. 1997. Славяно-болгарская колонизация степного междуречья Дуная и Днестра в раннем средневековье // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Т. 3. М. С. 99-115.
- КК 1994. — Андреев Й., Лазаров И., Павлов П. Кой кой е в средновековна България. София.
- Колесов В.В. 1986. Мир человека в слове Древней Руси. Л.
- Коновалова И.Г. 1999. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.
- Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. 2000. Дневняя Русь и Нижнее Подунавье. М.
- Константин Багрянородный. 1991. Об управлении империей. М.
- Лев Диакон. 1988. История. М.
- Литаврин Г.Г. 1988. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI в.) // Как была крещена Русь. М. С. 309-323.
- МДСБ 1991. — Международни договори на средновековна България (681-1396). София.
- Михайлов Е. 1986. Киевска Русия и България през X в. // Руско-български връзки през вековете. София. С. 62-70.
- Мутафчиев П. 1973. Русско-болгарские отношения при Святославе // Избр. произведения. Т. 2. София. С. 233-254.
- ПВЛ 1996. — Повесть временных лет. СПб.
- Петрова Г. 1992. Престъпленията в средновековна България. София.
- Платонов С.Ф. 1993. Сочинания в 2-х томах. Т. 1. СПб.
- ПСРЛ 1965. - Полное собрание русских летописей. Т. IX: Патриаршая или Никоновская летопись. М.
- Пушкарев С.Г. 1991. Обзор русской истории. М.
- Рашев Р. 1995. Североизточната археологическа граница на Първото Българско царство // БСП. Т. 4. С. 89-95.
- Руссев Н. 1996. Българи, византийци и руси по долното течение на Дунав през 968-971 г. // БСП. Т. 5. С. 175-187.
- Рыбаков Б.А. 1964. Первые века русской истории. М.
- Сахаров А.Н. 1977. Поход Руси на Константинополь в 907 году // История СССР. № 6. С. 72-103.
- Сахаров А.Н. 1982. Дипломатия Святослава. М.
- Свердлов М.Б. 1992. Образование Древнерусского государства (историографические наблюдения) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М.
- Симеонова Л. 1992. Лъв Дякон и човешките жертвоприношения край Доростол: мит или действителност // България, Балкани и Европа. Велико Търново. С. 306-312.
- Скилица. 1988. О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия // Лев Диакон. История. М. С. 121-133.
- Смиленко А.Т. 1991. Спорные вопросы в изучении древностей VIII-X вв. Северо-Западного Причерноморья // Древности юго-запада СССР (I — середина II тысячелетия н.э). Кишинев. С. 166-185.
- Соловьев С.М. 1988. История России с древнейших времен. Соч. Кн. 1. Т. 1. М.
- Субтельный О. 1994. Украина: история. Киев.
- Тихомиров М.Н. 1947. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVI в. // Славянский сборник. М. С. 125-201.
- Тойнби А.Дж. 1991. Постигание истории. М.
- Тъпкова-Заимова В. 1976. Долни Дунав — гранична зона на византийския запад. Към историята на северните и североизточните български земи, края на X-XII в. София.
- Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. 1973. Археология Румынии. М.
- Цанкова-Петкова Г. 1986. Културни и политически връзки и отношения между България, Киевска Русия и Византия през ранното средновековие / / Руско-български връзки през вековете. София. С. 71-81.
- Gukin V., Manzura I., Rabinovich R., Tkaciuk M. 1995. Nonarchaeological theory and problem of cultural Heritage // World Archeological Bulletin. № 8. P. 9-18.
- Spinei V. 1996. Ultimele valori migratoare la nordul Mării Negre și al Dunării de Jos. Iași.